

МИЦКЕВИЧ ОЛЬГА

Трое

Две девушки и парень с мечтой.
Порой то, чего мы желаем сильнее
всего, нас же и губит...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Мицкевич

Трое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62702471

SelfPub; 2020

Аннотация

Как быть, если влюбилась в лучшего друга? История отношений трех друзей, знавших друг друга с детства – Никиты, мрачного мечтателя с непростой судьбой, и двух влюбленных в него девушек. История первой любви и первого разбитого сердца, но прежде всего, история искренней дружбы и цены, которую за нее приходится заплатить. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
1.	5
2.	10
3.	13
4.	16
5.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пролог

Порой то, чего мы желаем сильнее всего, нас же и губит.

Цветы были прекрасны. Накрытый стол в укромном уголке ресторана, тихая музыка, изысканный ужин: все выглядело великолепно. И ощущалось очень неправильно.

Он отложил вилку, медленно отпил вина и, потянувшись через стол, взял меня за руку. Мягко повернул ладонью вверх, словно изучая узор на коже, а потом посмотрел мне прямо в глаза открытым, честным взглядом.

– Ты помнишь время, когда я был безумно влюблен в тебя?

Холод волной спустился у меня по спине.

– Нет.

– Хорошо, – он отпустил мою ладонь и откинулся на спинку стула. – Потому, что я никогда тебя не любил.

1.

Сколько я себя помню, нас было трое. Маленький белокурый мальчик годом старше, и две, живущие по соседству, девчушки. Тихая, глухая улица в частном секторе спального района. Пожалуй, мы были обречены с самого начала.

Я не помню момента знакомства. Мы просто всегда были вместе – наши с Аней дома разделял проволочный забор, с маленькой калиткой в тени жасмина. А Никита жил напротив и окна наших спален выходили на, пролегающую серой лентой, дорогу.

У Ани была собака – пушистая, игривая колли по кличке Джек. Никита звал его исключительно «Лесси спешит на помощь»¹, чем невероятно злил Аню. Ее розовые губки сжимались в тонкую линию, а шея покрывалась алыми пятнами, и такая реакция девочки только еще больше раззадоривало взбалмошного мальчишку.

В пять мы таскались за Джеком по двору, катали на нем кукол и солдатиков. В семь Никита придумал, что было бы невероятно круто научить пса играть в футбол, и все лето бегал за ним с футбольным мячом. В итоге Джек прокусил два мяча, но к футболу остался равнодушен. В девять, когда мы стали устраивать пятничные посиделками с марафоном

¹ Американский телесериал, 1954 – 1973 гг.

«Супер Марио» и ночевками, Джек любил растянуться на полу, между нашими спальниками, и воровал овсяное печенье и попкорн.

В тот год, когда Никите исполнилось одиннадцать, его мама вышла замуж второй раз (судьба родного отца Никиты навсегда осталась для нас туманна и загадочна), и мы с Аней все чаще стали замечать, каким растерянным и хмурым он становится, когда его спрашивают об отчине. Каким молчаливым. Он больше не называл Джека «Леся спешит на помощь» дурацким, певучим голоском. Никогда.

Однажды, в середине июля, когда весь день стояла удушающая жара и воздух был напоен густым ароматом жасмина, а к вечеру разразилась гроза, мы лежали с Аней на полу ее спальни, лениво жевали крендельки и рассматривали сквозь оконный проем, как в небе белым вспыхивают зарницы. Дождь барабанил по крыше и подоконникам крупными, тяжелыми каплями. Была пятница и Никита опаздывал. Мы уже, честно сказать, его не ждали – в то лето он все чаще пропускал наши посиделки. Но он все же пришел: насквозь мокрый, с бледным лицом и припухшей, разбитой губой. Мы оторопело смотрели на него, такого знакомого, чужого мальчишку, не зная что сказать. Не понимая, стоит ли.

Не говоря ни слова, он стянул кеды, плюхнулся на пол и прислонился спиной к стене за нами. Джек, до того момента мирно спавший, поднялся, подтолкнул голову под Никитину руку и принялся, поскуливая, вылизывать его лицо. Когда

Никита сдался и потрепал пса между ушей, Джек устроил голову у него на коленях и не отходил от Никиты до самого утра.

– Может, сегодня просто фильм посмотрим? – спросил Никита тихим, ломким голосом, поселившим в моей душе первые семена тревоги. Семена, которым было суждено простости с течением времени.

Мы переглянулись – две маленькие девочки, выброшенные в открытый океан чужого горя. Потом Аня встала, вытянула с полки первый попавшейся диск и вставила в DVD-проигрыватель. Сев обратно, она нашла мою ладонь в полумраке, и сильно сжала, переплетя наши пальцы.

Когда Аня задремала, я украдкой оглянулась на Никиту. Он спал, прислонившись плечом к дивану, и обняв одной рукой Джека за лохматую шею. Тени у него под глазами казались огромными, а на щеках блестели соленые дорожки слез.

В тот год он перестал приглашать нас к себе в гости, и стал все чаще бывать у нас. Я помню, как моя мама часто хмурилась, когда мыла посуду и смотрела в окно, на противоположную сторону улицы, а папа всегда становился очень отстраненным и крайне вежливым, когда встречал у калитки Александра, отчима Никиты.

Что касается нас с Аней, мы не до конца понимали что происходит, и просто сторонились этого высокого, грузного мужчины с большими руками и мрачным взглядом.

Мы никогда не обсуждали какой была Никитина жизнь за

запертыми дверями его дома. Словно их было двое: наш Никита – саркастичный, смелый, с блеском в голубых глазах, – заканчивался на первой ступени крыльца. А там начинался другой – замкнутый, с сжатыми губами и злым взглядом. Парень, прячущий лицо за капюшоном черной худи.

Так продолжалось до декабря того года, когда Никите исполнилось тринадцать. В начале каникул его одноклассник устроил вечеринку – первую и потому грандиозную, – на которую нас с Аней не пустили (малы еще), и на которой Никита проколол себе ухо. Мы узнали об этом на следующее утро. К телефону никто не подходил, поэтому мы провели пол дня, нетерпеливо поглядывая в окно на дом через улицу, поглощая конфеты и рисуя рождественские открытки. Машины у дома номер девять не было с раннего утра, свет в окнах не горел.

Едва услышав заветный шорох шин по укатанному снегу, мы вылетели на мороз прям в тапках, на ходу натягивая куртки. Первой вышла Никитина мама, открыть ворота. Бледная и встрепанная. Потом неуклюже вылез Никита, бережно придерживая загипсованную левую руку.

– Он упал с лестницы, – глядя мимо нас, сказала тетя Марина бесцветным голосом.

– Да ну? – едко усмехнулся Никита и закатил глаза.

– Пойдем, – сказала она, уже тверже. На ее щеках проступили бледно-розовые пятна. – Пора обедать.

– Я не голоден. Буду у Ани.

Проходя мимо, он сжал мою руку и мы, виновато потупившись, пошли следом.

После ужина мы с Аней рисовали рождественские гирлянды фломастерами на гипсе, а Никита гладил Джека свободной рукой и рассказывал во что превратилась его жизнь с тех пор, как в ней появился Александр.

Я думаю, в подробностях нет смысла. Отчим был строг и методы воспитания у него были жесткими. И все бы ничего, если бы мама Никиты не закрывала глаза на поведение мужа, спрятавшись за дверь и бокалом вина, убеждая себя что «все это мальчику на благо».

В то Рождество Никита получил в подарок гитару. Это была попытка откупиться, и все это понимали.

2.

Шло время, складывая недели в месяцы и годы. Никита стал чаще драться, меньше бывать дома и наотрез отказывался обсуждать свою семейную ситуацию с кем-то, кроме нас. К пятнадцати годам он уже был завсегдатаем и у директора школы, и у штатного психолога. У обоих он в основном молчал, развалившись в кресле, так что эти визиты вряд ли имели смысл. В особенно плохие дни, он забирался в окно либо моей, либо Аниной комнаты (у нас обеих всегда был готов спальник) и лежал в наушниках, всю ночь напролет слушая музыку.

Музыка стала его спасением – злая, напористая, часто слишком громкая, с едкими, наполненными болью текстами. Никита сбегал в мир нот и звуков, как будто спасаясь в нем от своего, настоящего. Со временем у него появился блокнот, а потом и несколько, в которые он постоянно что-то записывал. Нам с Аней он сказал, что это просто его глупые мысли, которые, возможно, смогут переродиться в стихи или песни. Когда и *если* это случится, мы будем первыми, кто их услышит. Я никогда не сомневалась, что это *если* непременно наступит, потому что когда он брал в руки гитару, он находился в мире с собой.

Нам всегда было комфортно вместе – в тишине, на узких диванах, когда каждый при своих мыслях. И мне наивно ка-

залось, что ничего на свете не сможет этого изменить. А потом отчим Никиты сбил Джека и наша жизнь, какой я ее знала и любила, закончилась.

Мы только вернулись со школы: теплый майский день, каникулы уже на пороге, в теплом воздухе порхали первые бабочки. Аня растянулась на моем крыльце, я изучала содержимое холодильника. Обычный полдень обычного дня.

Когда раздался глухой удар и визг резины по гравию, я даже не сразу обратила на это внимание. Но когда в кухню убежал папа, выражение его лица приковало меня к полу.

Александр возвращался домой на машине, когда Джек погнался за вороной и вылетел прямо ему под колеса. Аниных родителей не было дома, поэтому в ветеринарную клинику пса повезли мои мама с папой. Огромный, рыжий комок перепачканной кровью шерсти в моем старом детском одеяле.

Никита прибежал сразу после школы – у него в это день было на два урока больше. Мы сидели на крыльце, в полной тишине, обхватив оцепеневшую Аню с двух сторон, и ждали возвращения моих родителей. Три бесконечных часа спустя, когда на горизонте уже алел закат, на нашу улицу свернула папина машина. Он припарковался, заглушил мотор, посмотрел на маму, а потом на нас, замерших в немом вопросе. Папа медлил, продолжая сжимать руль, и мы все поняли.

В этот момент Аня наконец разрыдалась, громко всхлипывая и судорожно втягивая воздух. Она уткнулась в Никитино плечо, и он прижал ее к себе, крепко обхватив худые

плечики. Нежно поглаживая по волосам, он шептал что все будет хорошо и что мы рядом.

И в это момент, в самый плохой день на моей памяти, меня накрыли сразу три ошеломительные эмоции, которые поразили мой разум неловкой, пятнадцатилетней девушки, до онемения – ревность и ужас от осознания, что я влюблена в Никиту, и горькое отчаянье, потому что эти двое разделяли то же чувство, пусть еще и не поняли этого.

3.

Тот вечер отпечатался в моей памяти яркими, острыми обрывками.

Я мну в руках свое старое одеяло, покрытое шерстью и ржавыми пятнами засохшей крови.

Мама и папа за столом тихо переговариваются напряженными голосами над чашками с чаем в желтом свете кухонной лампы.

Бледная, как тень, Аня в окне своей спальни сжимает старого, застиранного зайца с одним ухом. Любимая игрушка Джека.

Пряный запах гиацинтов у нашего крыльца.

Резкий звук, с которым взрываются стекла машины – одно, потом второе, третье. Я подскакиваю на ноги и бегу к калитке, на другую сторону улицы. Слышу, как хлопает входная дверь Аниного дома, звонкие шлепки босых ног по брусчатке.

Мы замираем на краю проезжей части.

Никита стоит рядом с машиной отчима. Черная худи, черные джинсы, цепь на бедре. Прямая напряженная спина и старая бита в руке. Я вдруг понимаю, что он шагнул далеко за порог детства, за черту беззаботных пятничных вечеров, и ему уже никогда-никогда туда не вернуться.

Он перебирает пальцами рукоять, нервно поигрывая сво-

им оружием возмездия. Открывается дверь и на пороге появляется Александр. Я кожей чувствую Анин взгляд, но продолжаю смотреть прямо, на Никиту.

На миг мы все четверо замираем, пойманные в моменте, будто муравьи в янтаре. Потом лицо Александра белеет, линия челюсти сжимается – я вижу это четко, как при макро-съемке, – и он делает шаг с крыльца. Никита, перехватив биту второй рукой, со всего размаха ударяет ею о капот машины, а потом сразу по фаре.

Фара взрывается хрустальными брызгами. Под подошвами Никитиных кед хрустит стекло. Александр, громко и неразборчиво крича, сбегает по ступеням, домашние тапочки нелепо шлепают его по голым пяткам. На ходу он выдергивает ремень из брюк – толстый, с тяжелой, металлической бляхой, – и складывает его пополам.

Меня словно пинают в спину, и я уже на середине дороги. Визг резины и пронзительный автомобильный сигнал взрывают барабанные перепонки. Кто-то кричит, и я отстраненно понимаю, что это Аня. Мы хватаем Никиту, каждая за свою руку, и тащим назад, на дорогу, за границу разделительной полосы. Бита скользит по осколкам, стекло хрустит под подошвами, и в них, россыпью огней, отражается свет фар едва не сбившей меня машины.

У меня звенит в ушах. Никитино предплечье под моими пальцами жесткое, твердое. Он словно сплетен из корабельных канатов и гнева.

Мой папа у ворот, а мама на крыльце: мнет край кухонного полотенца.

Над головами с треском загораются уличные фонари – щелк, щелк, щелк.

Анин отец стоит возле открытой дверцы машины – мы выскочили ему наперез, когда он сворачивал в тихий тупик нашей улицы.

– Идем, – шепчет Аня, а ее голос дрожит от слез. – Пожалуйста, давай уйдем.

Вдали, за кронами старых тополей, алеет яркая, пурпурно-розовая полоса заката.

4.

Позже, на кухне, моя мама аккуратно выбирала осколки из Аниной ступни. Маленькие капельки крови разбивались о кафель неправдоподобно громко в давящей тишине. Я замороженно смотрела на них, не в силах отвести взгляд. Мои мысли казались густыми и вязкими, словно туман. Не уверена, что за последние пару часов я вообще произнесла хоть слово. Время потеряло смысл, перестало правильно ощущаться, и когда я посмотрела за окно, там была глухая ночь.

Мой папа с Аниным отцом тихо переговаривались на крыльце. Не похоже, что спорили, но голоса звучали раздраженно. Никита спал в моей комнате, наверху. Точнее, предполагалось, что спал, но я то знала, что, вероятнее всего, он растянулся на полу и слушал, как злой парень в его наушниках, требует справедливости. Мне кажется, приходила тетя Марина, но дальше крыльца ее не пустили. И я благодарна своим родителям за то, что сегодня Никита будет спать не под крышей родного ему дома.

По крайней мере сегодня, он будет в покое.

Мама разлила чай и устало села напротив. Мы с Аней молчим. Подруга взяла меня за руку и сжала ее. Я знаю, что Ане больно, и страшно, и еще она устала. И я хочу чувствовать все так же остро, как она, в эту безумную, длинную ночь.

Но вокруг меня только немота. Сегодня я плохая подруга, – впервые с начала всех времен – и это единственная причина, по которой Аня, румяная девочка из моего детства, этого не заметила.

Мы поднялись наверх, тихо приоткрыли дверь и сощурились в темноте, в поисках Никиты. Он все же уснул. Аня села на пол рядом с ним, мягко убрала прядь волос с гладкого, мальчишеского лба.

– Ты так напугал меня, – прошептала она, и я скорее почувствовала, чем увидела, как по ее щекам бегут слезы.

– Ложись спать, – услышала я свой голос. – Уже поздно.

Я стянула джинсы, убрала покрывало и села на кровать, ожидая что Аня последует за мной. Но она вытянула свое маленькое тело вдоль Никиты и положила голову на сгиб локтя, заглянула ему в лицо. Горечь расцвела ядовитым цветком в груди, и я отвернулась.

Я не хочу это чувствовать. Мы друзья. Нас всегда было трое. Мы связаны, стянуты миллионом сладких и горьких воспоминаний. Они в каждом моем детском воспоминании, в плохих и хороших снах, в мечтах и обещаниях. Наши узы нерушимы.

Ведь так?

Я проснулась, когда за окном было еще темно. На горизонте, туманной дымкой, бледнел рассвет. Анина голова лежала на груди у Никиты, он обнимал ее одной рукой, а их ноги переплелись причудливым узлом. Будто почувствовав

мой взгляд, он повернул голову и приоткрыл глаза. У меня перехватило дыхание и я быстро зажмурилась, словно пойманная за чем-то непристойным. Меня мучало ощущение, что я помешала чему-то, очень личному, не предназначенному для чужих глаз.

Я лежала, боясь пошевелиться, пока за окном не начали щебетать птицы, возвещая приход нового дня. Слышала, как мама спускается на первый этаж. Свист чайника и звук, с которым двигались стульев по кафелю, когда к завтраку спустился папа.

Двое на моем полу медленно просыпались: сначала тихо, потом громче. Осторожный шепот, возня и оба тихо вышли из комнаты, стараясь не разбудить меня. Скрип половицы, и к родительским голосам прибавились еще два.

Я накрылась одеялом, отрезав себя от пения птиц и звуков весеннего утра. Проспать бы миллион лет, и пусть меня разбудят, когда все закончится! В груди разливалось липкое, тянущее чувство тоски. И вместе с тем, мне было любопытно, придёт ли кто-то меня будить. Не знаю чего я хотела больше – чтоб про меня вспомнили, или навсегда забыли. По крайней мере, на сегодня.

В конце концов, я заснула и мне снился Джек. Его радостный лай, которым он встречал нас со школы, и старое одеяльце в пятнах крови.

5.

По профессии моя мама психолог. Она всегда знала и видела гораздо больше, чем я хотела бы ей показать. Иногда меня это злит, а иногда очень помогает. Если я не могла подобрать слова, чтобы описать свои чувства, мне и не надо было.

Первое время мама молчала. Просто иногда подольше задерживала на мне взгляд. Думаю, она выжидала удобного момента.

Школа закончилась. Пришло лето, а с ним обещание теплых вечеров, ягод в сливках, соленый воды в волосах и велосипедных прогулок.

В первый раз я сказала Никите с Аней, что у меня другие планы. Потом, что я должна помочь папе с его проектом на работе. В следующий раз у меня болел живот, потом мы с мамой разбирали чердак. Днем позже я с утра до вечера косила траву во дворе, а на следующий день убирала ее. Я отказалась от помощи, сказав, что это мое наказание, и будет нечестно.

Я соврала.

Когда «срочные» заботы в доме были улажены, а у меня закончились идеи, я записалась волонтером в собачий приют на другом конце города, и три раза в неделю выгуливала собак и чистила клетки. Местная библиотека затеяла ре-

монт, и, спустя пару дней, я уже отскабливала старую краску в фойе и покрывала лаком перила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.